

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.10

ПОСТГОРОД: ПРОСТРАНСТВО И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВООБРАЖЕНИЯ

Д.Н. Замятин

ЗАМЯТИН Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, главный научный сотрудник, Высшая школа урбанистики им. А.А. Высоковского, НИУ ВШЭ, Москва. Для связи с автором: metageogr@mail.ru

Замятин Д.Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения. — Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147-165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>

Статья поступила в редакцию: 18.12.2017. Принята к публикации: 29.01.2018

Аннотация. В статье исследуются в имагинально-онтологическом контексте понятия постгорода и постгородских исследований. Предлагаются базовые онтологические модели воображения большого города Модерна, описывающие его радикальные пространственные трансформации. Вводится понятие сопостранственности, определяющее перспективы феноменологических исследований постгородских реальностей. Выявляется значение феноменов пограничности и постномадизма в становлении постурбанизма и не-городских форм расселения. Городское пространство перестает быть городским пространством в традиционном смысле, делясь скорее на многочисленные “фракталы”, сосуществующие с пространством, постоянно обновляемые локальные ситуационные события, которые могут быть истолкованы, опять же онтологически и семантически, весьма разнообразно. Пространство большого города, мегаполиса эпохи зрелого Модерна, в первую очередь является апофатической негативностью растущего и расширяющегося движения, как бы отрицая, что он растет параллельно феноменологии полного и локального диссоциации. Явление сопостранственности/сопространственностей можно рассматривать как ключевой дискурс, с учетом онтологической точки зрения при анализе концепции постгорода/постметрополии. В то же время динамичное развитие крупных городов поздней современности привело к возникновению и развитию феномена межпространственности. С одной стороны, физическое представление городской среды – это некоторые “приманки”, проявление социокультурной и коммуникативной привлекательности крупных городов, с другой стороны, они сигнализируют, как правило, о метавизуализации пустоты, *dis-communication* и формировании мощных онтологических зон “невидимости”, которые могут возникнуть параллельно сосуществующим потокам связи, границам, узлам и местам. Постурбанистика, по-видимому, должна действовать по большей части в качестве пограничной концепции, описывающей и характеризующей пограничные миры сопутствующих пространств, только “затрагивая”, но не вторгаясь глубоко в доминирующие визуальные, звуковые и словесные аффекты физической реальности городов.

Ключевые слова: постгород; онтология; воображение; модерн; сопостранственность; постномадизм; городская среда; пограничность; пространственный переворот; постурбанистика.

Цель настоящего исследования – сформулировать и дать импульс исследованию проблемы формирования постгорода в контексте имагинально-онтологического моделирования, разрабатываемого автором и представленного в ряде работ 2010-х годов. Данное исследование – попытка рассмотреть феномен постгорода и постурбанизма с междисциплинарных позиций с применением инновационных, нетрадиционных понятий – таких как сопостранственность и онтологическая модель воображения. Тем не менее обозначенная цель исследования четко лежит в русле пространственного поворота в социальных и гумани-

тарных науках, в рамках которого находится большая часть междисциплинарных урбанистических исследований, затрагивающих проблематику культурологии, политологии, культурной и гуманитарной географии, истории, антропологии, социологии, философии. Конкретные задачи исследования следующие: 1) выделить фундаментальные пространственные закономерности развития города как сложной системы; 2) применить в качестве методологического “инструмента” новые для урбанистических исследований понятия сопостранственности и онтологической модели воображения; 3) сформулировать ключевые признаки формирования принципиально новых постгородских форм расселения, не связанных с традиционной дихотомией “город – сельская местность”.

Методология исследования опирается на категориальный аппарат, связанный с проблематикой пространства и пространственности, взятой в ее междисциплинарной постановке. Основополагающими для работы являются феноменологическая и онтологическая постановки проблемы постгорода, в рамках которой понимание “полиса” и “полисности”, характерное для широкого западного дискурса, в значительной степени трансформируется. Вместе с тем, и философия, и наука в их классических формулировках возникают и интенсивно развиваются именно в древнегреческих и античных городах, т.е. имеют урбанистический генезис. Соответственно и проблематика пространственности в контексте изучения постгорода оказывается методологической “обобщающей”. По сути, постурбанизм и его исследования могут вести к принципиальным трансформациям не только самих форм человеческого расселения (в том числе и “постполисности”), но и форм мышления о них – если иметь в виду не-двойственность, целостность человеческого мышления и действия, реальности и ее представления. Естественно, что подобные изменения рано или поздно приведут к масштабным трансформациям политического, культурного и социального характера, равно как и к серьезным трансформациям самих методов политологического, культурологического и социологического анализа.

Концептуальное введение. Понятия постгорода и постурбанизма до настоящего времени не анализировались в контексте имагинально-онтологического моделирования и сопостранственности. Хотя проблематика пространства и пространственности в междисциплинарных урбанистических исследованиях рассматривается как одна из ключевых, тем не менее, этим исследованиям, с нашей точки зрения, не хватает выхода на метауровень. Такой выход возможен, если, с одной стороны, попытаться разработать основы смешанного, гибридного методологического подхода, объединяющего темы бытия-в-городе и бытия-городом с темой множественности городских воображений, а с другой стороны, применить принципиально новую категорию сопостранственности, позволяющую выйти за рамки традиционного анализа проблемы урбанизма и постурбанизма в концептуальных полях глобализации vs локализации, постмодерна и пост-постмодерна.

Наиболее авторитетные исследователи, затрагивающие проблематику постгорода и постурбанизма – среди них, безусловно, выделяются Э. Соджа, Р. Колхас, Н. Трифт, – используют “критический поворот” в социальных и гуманитарных науках в целях серьезной политико- и социально-экономической, а также градостроительно-планировочной критики современного урбанистического развития, однако почти не касаются эпистемологических оснований существующего положения дел. Между тем любые политологические, географические, социологические, экономические, культурологические трактовки современного урбанизма используют, как правило, традиционные

концептуальные версии понимания пространства и пространственности, если иметь в виду их онтологический базис (исключение составляет понятие гетеротопии, использование которого, однако, пока не ведет к системной трансформации когнитивной ситуации). Именно здесь находятся причины некоторой феноменологической незавершенности глубокого критического анализа современного урбанизма и дальнейших эпистемологических выводов. Исследования феноменов постгорода и постурбанизма требуют несколько иного методологического и категориального аппарата. Далее я попытаюсь продвинуться в этом направлении, предложив первичный набросок нового концептуального анализа проблемы, используя указанные выше новые понятия.

ПОСТГОРОД: БАЗОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Постгород – понятие и образ пока столь же неуловимые, сколь и синкретичные. Анализ этого понятия связан, в первую очередь, с безусловной на данный момент онтологической апофатикой, сложным и всеобъемлющим отрицанием экстенсивных методологических подходов, призванных “нагнетать” динамику, прежде всего, количественных параметров и привлекать все новые и новые “точки зрения” для изучения переходных урбанистических процессов [Soja 1989, 1996, 2000, 2010; The City: Los Angeles... 1996; The Endless City 2008; The New Blackwell... 2011; Со́йя 2007; 2008; Thrift 1996; 2007; City A-Z... 2000; Amin et al. 2000; Amin, Thrift 2002; Harvey 1989; 1985; Колхас 2013; 2015]. Не отрицая, по существу, полезности и прикладной эффективности анализа нарастающих старых и вновь возникающих городских активностей и способов деятельности, быстрого увеличения разнообразия урбанистических пространств, стоит сосредоточиться и инициировать исследование очевидных онтологических трансформаций самого понятия “город”, а следовательно, и самого городского бытия, становящегося в своих фронтальных проявлениях уже постгородским.

В начале изложения автор, вполне осознанно, не будет пытаться дать свое, более или менее точное, определение понятия постгорода, понимая, что в когнитивной переходной ситуации, характеризующейся, с одной стороны, обилием все умножающихся данных, постоянно растущей в геометрической прогрессии урбанистической информации, вновь разрабатываемых прикладных моделей городской среды и городского пространства и, с другой стороны – эклектическим смешением всевозможных методологических конструкций (технократических, марксистских и постмарксистских, политэкономо-, культуро- и социоцентричных и т.д.), призванных объяснить и интерпретировать кардинальные качественные изменения в развитии урбанизма и урбанизации, – вряд ли стоит стараться с мнимой высокой точностью описать и охарактеризовать феномен *постгорода*. На первом этапе задача исследования – выявить уже “неработающие” традиционные признаки города и городского пространства – по крайней мере, так, как они условно понимались в течение Нового времени – и одновременно попытаться изучить те поначалу как бы невидимые и неясные явления, “знаки” в меняющемся городском пространстве, сигнализирующие о каком-то принципиально другом (в онтологическом плане) пространстве¹, которое пока “не нашло” своего точного названия и вынуждено обозначать себя как постгородское. Естественно указать здесь, что я буду по мере сил придерживаться своего методологического подхода,

¹ Безопасный город (*Soft City*), сетевой город, умный город (*Smart City*), Сим Сити (*SimCity*), фрактальный город, телескопический город и т.д.

базирующегося одновременно на примате онтологического и имагинального взглядов на реальность урбанистических процессов (анализ онтологических моделей воображения) [Замятин 2011; 2012; 2014а; 2014б].

Одной из аксиом такого подхода я считаю цельность, целостность, не-двойственность урбанистической реальности, в которой именно сознание, в бесконечном диалоге с бессознательным порождает те или иные онтологии города, репрезентируемые специфическими способами воображения. Иначе говоря, то, что в марксистской и пара-марксистской идеологии принято рассматривать как некую первичную материальную базу, порождающую соответствующие типы сознания (“производительные силы”, технологии и т.д.), в моей оптике отнюдь не является онтологически “первичным”: эта проблематика принципиально снимается — и сменяется попыткой осознать мышление и бытие города как целостный и уникальный опыт имагинально-онтологического проживания и переживания городского пространства, постоянного воссоздания его “телесности” во всевозможных и разнообразных феноменах. Соответственно, второй аксиомой моего подхода к исследованию урбанистической реальности можно считать безусловный когнитивный приоритет *сопространственности* [Бурдые 2005; Делез, Гваттари 2010; Gregory 1994; Merriman P. et al.; Spatialities... 2012; The SAGE Handbook... 2014; Spatiality and Symbolic Expression... 2015; Ло 2006], рассматриваемой далее в качестве одного из важнейших имагинально-онтологических признаков постгорода и постурбанизма. Именно соппространственность, как я попытаюсь показать ниже, “гарантирует” своего рода онтологическую и имагинальную слитность, нераздельность, единство, недвойственность постсовременного урбанистического опыта, порождая в то же время ряд серьезных познавательных проблем, связанных с несомненной множественностью, фрагментарностью, заведомой неполнотой всякой постурбанистической соппространственности. На мой взгляд, эта соппространственная противоречивость и формирует в основном главную методологическую проблематику постгородской событийности.

ПОНЯТИЕ ГОРОДА:

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА И УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ

Понимая, что этимология русского слова “город” оказывает некоторое лингвистически-онтологическое “давление” на содержательный спектр его семантических интерпретаций, постараемся, в первую очередь, очертить те очевидные характеристики и параметры городов древности, Средневековья, Возрождения, Нового времени (Модерна) — иногда совпадающие между собой, но с течением времени все более различающиеся и расходящиеся. Здесь обнаруживаются как некие субстанциальные качества — огороженность (огражденность), четкая выделенность из окружающего пространства, защищенность, центральность (“центровость”), скученность (уплотненность, концентрированность), сегрегированность, социальная, политическая и экономическая сегментированность, пространственность как деятельностно насыщенная размещенность чего- или кого-либо, событийная динамичность и интенсивность. Наряду с пониманием того, что ряд урбанистических характеристик мог, в зависимости от исторической эпохи, то усиливаться, то ослабляться (например, конец Античности и раннее Средневековье), можно обобщенно проследить, во-первых, рост, а затем убывание и постепенное исчезновение значимости первоначально онтологически одной из наиболее важных характеристик города (огороженность, защищенность в физическом плане); во-вторых, очевидное неуклонное

наращивание, с периодическими временными отступлениями, самой интенсивности урбанистической деятельности — экономической, политической, социальной, культурной — проявляющейся феноменологически в постоянных трансформациях городской среды и городского пространства [Soja 1996; Amin, Thrift 2002; Кук 2002]. Многократно описанная классиками урбанизма значимость города и городской среды в развитии человечества и его социокультурной деятельности естественным образом была семантически центрирована на понятии городского пространства. Вместе с тем, когнитивно понятая и интерпретированная ситуация “тотального нагнетания” экстенсивности урбанизма (технологического, экономического, культурного, социального) и, в меньшей степени, его интенсивности (принципиального изменения качества социальных отношений в быстро меняющейся городской среде, онтологической значимости самого городского пространства для человеческих сообществ и отдельных людей) до настоящего времени остается слабо фундированной с точки зрения осознания имагинально-онтологического перехода к совершенно иным способам урбанистической событийности — к тому, что я называю в первом приближении *постгородской сопостранственностью*.

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ГОРОДСКИЕ ОНТОЛОГИИ И ГЕНЕЗИС ПОСТГОРОДСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

На мой взгляд, существенные качественные изменения в понимании того, что, более или менее автоматически, “по молчаливому соглашению”, называется городским пространством (в данном случае я говорю об онтологии “обобщенного” западного города), происходят приблизительно во второй половине — последней четверти XVIII в., когда, в первую очередь, наиболее крупные столичные европейские города — Лондон и Париж (Лондон несколько раньше) — начинают “демонстрировать”, репрезентировать серьезные качественные трансформации своего пространства, связанные не только с начинающейся индустриальной революцией и видимым ускорением демографического роста больших городов [Сеннет 2002; Sennett 1991]. Можно назвать эти процессы первичным этапом развития социального отчуждения и дистанцирования в условиях уже практической невозможности сплошного, или близкого к сплошному, социального и/или политического контроля над городским пространством, или же, следуя Р. Сеннету — началом упадка публичных городских пространств. Однако здесь важно указать, что начинает принципиально меняться, поначалу незаметно, сама онтология воображения города: город постепенно становится не просто социально более сложным, разнообразным, более социально и культурно масштабным пространством, нежели сельская местность, сельская округа, аристократическая усадьба или даже провинциальный городок с почти сельским образом жизни, но, по сути, *другой пространственностью* [Фуко 2006], в рамках которой становятся и развиваются совершенно иные онтологические модели воображения. Хороший пример этому — книга Л.-С. Мерсье “Картины Парижа”, где многочисленные очень живые и социологически заостренные, “физиологические” опыты описания городской действительности фиксируют довольно парадоксальную ситуацию: предреволюционный Париж представляет собой внешне хаотическое онтологическое поле дискурсивных воображений, мало связанных или никак не связанных между собой, не контролируемое более полностью — формально или содержательно — теми или иными источниками политической и социальной легитимации (королевской властью, властью церкви, отдельных крупных сеньоров и т.д.) [Мерсье 1995].

Характерно, что практически такая же картина как нарративный фон в имагинально-онтологическом плане воспроизводится и воссоздается, например, в книге П. Зюскинда “Парфюмер”, написанной более чем через два столетия, в конце XX в. [Зюскинд 2004]. Иначе говоря, город теперь (хотя сам автор “Картин Парижа” мог об этом и не догадываться) становится феноменологическим опытом пространственности, не вытекающей прямо из некоторой “эволюционной” истории развития города и городского образа жизни, имеющего непосредственным генезисом сельские поселения и возникающий спонтанно синойкизм — хотя бы даже эти исторические события, растянувшиеся на тысячелетия первоначальной человеческой истории, назывались “урбанистической революцией”². Городское пространство перестает быть таковым в традиционном понимании, разбиваясь, разделяясь скорее на многочисленные “фрактальные” сосуществующие пространственности, постоянно актуализируемые локально-ситуативными событиями, которые могут интерпретироваться, опята-таки, и онтологически, и семантически, достаточно разнообразно.

Видимая интенсификация городской среды на протяжении XIX-XX вв., связанная с рядом технологических революций, имела и имеет до сих пор существенные онтологические последствия, обусловленные генезисом постгородской феноменологии, одно из которых — амбивалентная сопостранственность зон видимости и невидимости. Городское воображение, с одной стороны, моделируется как постоянная локализация в пространстве скудности анонимной толпы и воспроизведение ранее почти невозможного одиночества среди множества двигающихся, толкущихся, идущих, бегущих, едущих людей, незнакомых друг с другом и вступающих в случайные эфемерные взаимодействия — здесь уже стали классикой отсылки к “Человеку толпы” Э. По и явлению фланерства, описанного Ш. Бодлером и по-новому осмысленному в неортодоксальной марксистской оптике уже в XX в. В. Беньямином [По 1970: 278-285; Бодлер 1993; Беньямин 2000; 2004] — с другой стороны, именно на фоне все ускоряющегося, нарастающего, расширяющегося образа мобильности, подвижности “*modus vivendi*” в пространстве большого города, *метрополиса* [Simmel 1972; Зиммель 2002; Урри 2012а; 2012б] и в формах так называемого *потока сознания* — благодаря произведениям Джойса и Пруста — возникает и развивается феномен парасакральных “эпифаний”, своего рода озарений, настигающих время от времени жителей и обитателей метрополисов в условиях тотальной профанизации повседневности большого города (здесь пионером революционных урбанистических онтологий стал фактически Ф. Достоевский с его “петербургскими” романами, очевидны также ментальные вклады Джойса с его ранними “Эпифаниями” и цикла романов и повестей Андрея Белого). По сути дела, речь идет об имагинально-онтологическом переходе в понимании специфики городского пространства, связанном в том числе и с нарастающим дефицитом традиционной сакральности и социокультурным упадком центральных мест традиционного религиозного откровения, приуроченных к большому и/или столичным городам: возникает проблематика пространств и мест сокращения, репрезентируемая и как историческое возрождение “гения места” (характерно при этом, что возрождение культа *гения места* происходит в больших городах, хотя сам этот древний специфический и переосмысленный в рамках Модерна

² Хотя Э. Соджа выделяет три урбанистические революции [Soja 2000: 19-95], в контексте настоящего исследования важно подчеркнуть фундаментальное онтологическое единство радикальной трансформации в организации освоенного человеческого пространства, “растянувшейся” на несколько тысячелетий.

культ мог быть во многом ориентирован и на негородские локусы: усадьбы, сельскую местность) [Замятина, Замятин 2007: 62-87; Замятин 2013: 154-165, см. там же основную библиографию по теме].

ИМАЖИНАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА БОЛЬШОГО ГОРОДА ЗРЕЛОГО МОДЕРНА: К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТОТАЛЬНОЙ ДИСКОММУНИКАЦИИ

Итак, экзистенциальное пространство большого города в эпоху зрелого Модерна теряет главное субстанциальное качество, так или иначе присутствовавшее в городах предыдущих исторических эпох – *огороженность*, которая была не только физическим, но и метафизическим признаком “настоящего” города. Если раньше город был четко выделенным пространством-локусом, чьи огороженность и защищенность были амбивалентными характеристиками, “работавшими” в онтологическом плане и вовне, и вовнутрь, то теперь город-метрополис становится фактически открытым имагинально-онтологическим пространством, в рамках которого “по-гегелевски” репрезентируется и постоянно воспроизводится всеобщее взаимопроникновение социокультурных границ [Шорске 2001]. Пространство большого города становится само по себе тотальной пограничностью, которая наряду с этим фиксируется и как онтологический фронт. Ясно, что такие образы, как “город-спрут”, “город-паук”, активно продуцируемые для художественных описаний подобных пространств [Верхарн 2002], фиксируют ситуацию гипер-аттрактивной социальной структуры, несколько позднее трансформировавшейся в образ города-машины [Mumford 1970], прямо коррелированный с описаниями ускоренной и весьма противоречивой массовой городской индустриализации. По сути дела, уже к концу XIX в. можно говорить о возникновении города-фронта как синонима метрополиса, главным онтологическим вектором которого является всеобщая притягательная пространственная открытость, в рамках которой формируется дискурсивный “пучок” амбивалентных образов. Большой город рассматривается теперь не как усложнение пространства, “логично следующее” (“логично вытекающее”) из образа сельского окружения, не как его резкая социокультурная и политическая трансформация, но как некий онтологический разрыв в понимании пространства. То есть – как разрыв, не предполагающий очевидного онтологического генезиса – несмотря на наличие внешних причин очередной “урбанистической революции” (прежде всего технологического “взрыва”, индустриальной революции и очевидной, хотя и замедленной, трансформации политико-управленческих структур).

Я полагаю, что онтологическое “исчезновение” своего рода полисности как субстанциального качества большого города зрелого Модерна – несмотря на увеличивавшуюся внешне гипертрофию “старых” политических, экономических, социальных функций города, свидетельствовавших в пользу продолжавшегося экстенсивного усиления урбанистического пространства как “центрального места” – вело, так или иначе, писателей, художников, философов и ученых к пониманию современного большого города как онтологически “расплывающегося” пространства фрагментарностей, имагинально-онтологической “амебы”, перестраивающей и перманентно изменяющей свои очертания в зависимости от не всегда ясных и понятных феноменологических “конstellаций”. Неслучайно, в связи с этими процессами, начиная с конца XVIII в., возникает проблема урбанистического культурного наследия – прежде всего в рамках серьезных архитектурно-планировочных пертурбаций, охватывающих постепенно в течение XIX в. практически все крупнейшие европейские

города и получивших позднее, в силу известного парижского прецедента, характерное название “османизации” [Зитте 1993; Frisby 2001; Фрисби 2008: 54-80].

Несмотря на наличие вполне очевидных и неоднократно описанных причин радикальных перепланировок, “постигших” большие города во второй половине XIX – начале XX вв. (Россию этот процесс охватил несколько позже, но в еще более радикальных формах советской индустриализации и модернизации), можно говорить также и о имагинально-онтологических основаниях подобной пространственно-урбанистической модернизации. Большой город становится, с одной стороны, пространством все более расширяющейся, подвижной, тотальной анонимности, требующей для своих феноменологических манифестаций совершенно иных архитектурно-планировочных решений. С другой стороны, сам архитектурный пейзаж формируется теперь как “гладко-безличное” универсальное коммуникативное пространство, обеспечивающее, прежде всего, технологически понятное и “прозрачное” управление потоками – политических, социальных, экономических, транспортных, финансовых решений и практик. И эта тенденция торжествует несмотря даже на недолгую “визуальную победу” стиля Модерн с его неортодоксальными декоративными модуляциями – скорее, прикрывавшего явное поражение традиционной “тесной”, как бы самоорганизующейся веками, органики архитектурно-планировочных форм европейского позднего Средневековья и раннего Модерна [Лоос 1972; Augé 1995; Колхас 2015].

Уже упоминавшиеся принципиальные изменения в городской подвижности и мобильности, следующие в “видимом” русле воображения нового большого города как пространства все возрастающих ускоренными темпами анонимных коммуникативных потоков, сопровождаемые транспортно-технологическими революциями (железная дорога, метрополитен, автомобиль, авиация) [Урри 2012a; 2012b; Cresswell 2006; 2010a: 17-31; 2010b: 550-558; 2011: 645-653], с точки зрения имагинально-онтологического моделирования означают первоначально осознаваемое ментальное расхождение двух сосуществующих потоков. Первый физически репрезентируется постоянным нагнетанием количественных показателей интенсивности передвижения и скорости, казалось бы, “съедающим” проблему расстояния в городе. Второй же (его можно, пока условно, назвать метафизическим, хотя он также имеет дело с урбанистической телесностью) – суть незаметное внешне нарастание локального запустения большого города и расширения дискommунитивных пространств и практик, соседствующих как друг с другом, так и с визуально наличествующими пространствами оперативных коммуникативных ситуаций внешнего физического слоя. В качестве некоей временной связующей фигуры-образа – как реальной, так и риторической – можно рассматривать здесь фланера, который является, в известном смысле, последней экзистенциальной надеждой, противоречивой “точкой схода” совершенно различных онтологий городских коммуникативных пространств в эпоху раннего капитализма [Беньямин 2000: 153-228; 2004: 47-235; Тарасов 1999; Guy Debord... 2002; де Серто 2013: 185-211]. По сути дела, пространство большого города, метрополиса зрелого Модерна оказывается, прежде всего, апофатической, негативизацией/негацией разрастающегося и расширяющегося движения, как бы отрицающего самого себя в нарастающей параллельно феноменологии тотально-локальной дискommунитации.

В сущности, именно в рамках онтологического воображения метрополиса зрелого Модерна возникает проблема содержательной экзистенциальной *ничтожности* городского пространства [Сартр 2015: 303-304, 310-312; Soja 1989: 131-132]. Внешний антураж всевозрастающей городской подвижности, со-

провождается также увеличением как физических, так и психологических взаимодействий и столкновений [Thrift 2004: 582-604], репрезентируемый, очевидно, и нарастанием избыточной визуальности, как бы противостоит одновременному нарастанию внутренних “метафизических” серых зон невидимости, не-визуальности — своего рода параллельного “темного” потока скрытой экзистенциальности, или “черного ящика” внутренних экзистенциальных событий, чей дискурс практически не проникает на “поверхность” интенсивной урбанистической жизни. Следует отметить, что подобные радикальные онтологические трансформации урбанистического развития являются, по всей видимости, органической частью “взрыва” пространственных представлений (представлений о пространстве), имевшего место в западной культуре в конце XIX — начале XX вв., который я считаю одной из когнитивных вех процесса *геоспациализма*, т.е. нарастания значимости и важности пространственного воображения в онтологии западных сообществ [Андерсон 2011; *The Spatial Turn...* 2009; Замятин 2011]. Феномен “пространственного переворота” в эту эпоху, естественно, лучше всего репрезентирован в литературе, искусстве, науке, архитектуре — в произведениях Джойса, Белого, Пикассо, Татлина, Малевича, Эйнштейна, Сант-Элиа и других творцов новых пространственных образов, чья деятельность была связана преимущественно именно с большими городами.

ТЕЛЕСНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ И ЭКСПАНСИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ СРЕД

Экспансия тела, тело-вне-себя, телесность-как-пространственность, своего рода растворение тела в пространстве посредством интенсивных нарастающих движений и всевозрастающих скоростей передвижения — вот те ключевые дискурсы, с помощью которых можно описать одновременно и онтологическую специфику “пространственного поворота” конца XIX — начала XX вв., и кардинальные имагинативно-онтологические трансформации пространства больших городов [Ямпольский 2000]. Характерно, что эти тенденции проявляются, прежде всего, как многочисленные феноменологические попытки — как в сфере архитектуры и изобразительных искусств (здесь очевидно возрастает роль документальной и художественной урбанистической фотографии и возникают предпосылки ускоренного развития образов города в раннем кино), а также литературы, так и в области философии и науки — схематизации, структуризации, картографирования, геометризации вновь возникающих и каталогизируемых теми или иными когнитивными способами урбанизированных и урбанистических образов телесностей или же, наоборот, “отелесненных” образов динамичных и экспансивных городских сред [Левашов 2014; *Global Cities...* 2003; *Cities in Transition...* 2008; *The City and the Moving Image...* 2010; *Spatiality and Symbolic Expression...* 2015; Маккуайр 2014]. Быстрая визуальная геометризация форм и образов типичной городской планировки и застройки — как в горизонтальном, так и в вертикальном срезе — имеющая очевидные параллели в новейших художественных течениях этой эпохи (кубизм, русский кубофутуризм, лучизм, супрематизм и т.д.) — всего за два-три десятилетия сформировала интегральные визуальные урбанистические каноны (прежде всего, в рамках конструктивизма и стиля Баухауса), определившие, по сути, онтологическое ядро позднего западного Модерна и, фактически, начальные стадии Постмодерна. Существенно также отметить, что эти эпохальные визуальные трансформации городских пространств сопровождались и не менее радикальной сменой урбанистических звуковых ландшафтов — как шумовых, повседневных, так и музыкальных, обусловленных революционными новаци-

ями Стравинского, Венской школы Шёнберга и далее несколькими поколениями западных и российских композиторов.

ПОСТГОРОД И СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ: РАЗВИТИЕ ПОГРАНИЧНЫХ ОНТОЛОГИЙ ВООБРАЖЕНИЯ

Суммируя очерченные выше, в самом первом приближении, положения, сконцентрируем еще раз наше внимание на когнитивном соотношении и взаимодействии понятий “постгород” и “сопространственность”. На мой взгляд, явление сопространственности (сопространственностей) можно рассматривать как ключевое, основополагающее с имагинально-онтологической точки зрения при анализе понятия постгорода (постметрополиса). В то же время именно динамичное развитие больших городов зрелого и позднего Модерна обусловило возникновение и развитие феномена сопространственности. Несмотря на безусловно существенную, значимую важность таких факторов развития и разрастания больших городов эпохи позднего Модерна как индустриальная революция и ее социально-экономические и архитектурно-планировочные последствия, несколько технологических революций, изменивших визуальный, звуковой и тактильный облик урбанистических сред, – не они сами по себе (по отдельности или в совокупности) определили и до сих пор определяют радикальный характер онтологических изменений в воображении (пост)городских пространств. Скорее следует констатировать кумулятивный эффект, сместивший имагинально-онтологический “фокус” основных западных дискурсов. А за этим последовала и постепенная онтологическая переориентация, репрезентирующая себя в феноменологиях сопространственностей. Так в середине XX в. в рамках современного искусства возникли феномены *хэппенинга* [Happenings and Other Acts... 1995; Spatialities... 2012; Маккуайр 2014; Эштон 2017; Костелянец 2015] или же, позднее, к концу XX в. – *флешмоба*, феноменологически соединяющего, по сути, физические и виртуальные пространственности и синтезирующего их в некие гибридные сопространственности. Физические репрезентации урбанистических сред становятся, с одной стороны, некими “игрушками” или “приманками”, манифестирующими социокультурную и коммуникативную притягательность мегаполисов, с другой стороны, они же сигнализируют, как правило, о метавизуальной пустоте, дискommunikации и формировании мощных онтологических зон “невидимости”, в рамках которых могут возникать параллельно сосуществующие коммуникативные потоки, границы, узлы и места. *Постурбанистика*, по всей видимости, должна оперировать по преимуществу именно пограничными понятиями и концептами, описывающими и характеризующими пограничные миры сопространственностей, лишь “зацепляемых”, но не раскрываемых глубоко теми или иными доминирующими визуальными, звуковыми и вербальными аффектами физических реальностей мегаполисов.

ПОСТГОРОДСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ПОСТНОМАДИЧЕСКИЕ ГЕОГРАФИИ: СТАНОВЛЕНИЕ НЕ-ГОРОДСКИХ ФОРМ РАССЕЛЕНИЯ

Основанные на первоначально почти тотальной апофатике онтологических черт классического города и города Модерна, постгородские исследования самым необходимым образом должны сосредотачиваться на специфике сопространственных феноменологических локусов, в чем-то онтологически “родственных” “другим пространствам”, гетеротопиям М. Фуко. Если мегаполисы зрелого и позднего Модерна уже сталкивались с классическими гетеротопиями

в духе Фуко, с постоянными феноменологическими трансформациями городских мест, с множественностью воображения различных типовых урбанистических сред, то постурбанистический “взгляд”, не отрицая известной когнитивной продуктивности гетеротопических интерпретаций, тяготеет, скорее, к “номадическому” (а вернее — постномадическому) воображению не закрепленных изначально топографически (топологически) сопространственностей [Бауман 2008; Heterotopia and the City... 2008; Замятин 2014б; Видугирите 2015], чья феноменологическая уникальность проявляется не в последовательной смене, трансформации (регулярной или нерегулярной) функций того или иного урбанистического локуса или же его образа, но в фактическом онтологическом “отрицании” всякого заранее выделенного и очерченного феноменологически места. Постгород может быть репрезентирован онтологически достаточно исчерпывающе как *номадическая постгеография “мест”* (где в качестве “мест” могут рассматриваться конкретные, уникальные, здесь-и-сейчас “случающиеся” сопространственности) или — иначе — как *постномадическая география*, в которой феноменологически фиксируются не собственно какие-либо движения, передвижения и соответствующие им субстанциальные атрибуты, нацеленные на понимание направленности, ориентации, пункта выхода и пункта достижения, но сама по себе онтологическая экзистенция движения, обозначающая — так или иначе — постгородские реальности.

Феномен постгородских реальностей может быть также обозначен и как постоянно становящееся пространственное “искусство” коммуникативных практик ускользания, уклонения, “онтологического партизанинга”, ставящего своей целью не воспроизводство все усиливающейся символической социальной в рамках тех или иных городских форм (как современных и постсовременных мегаполисов, так и специализированных, демографически ограниченных, включая различного рода “экополисы”) — хотя бы и в некоторых негативных коннотациях — а, скорее, наращивание практик “*картографий отсутствия*”³, когда случаются не “события” (“урбанистические события”, “события мегаполиса”), а невидимые физически, а-визуальные сопространственности (“*сопространственные эцифании*”), которые можно постфактум пытаться репрезентировать с помощью тех или иных, традиционных и нетрадиционных, способов картографирования (включая карты-анаморфозы в целом, ментальные карты, картоиды, образно-географические карты). Другими словами, именно рассеянная, рассредоточенная, множественная, сверхдинамичная пространственность современных мегаполисов формирует онтологические пред-основы альтернативных экзистенциальных коммуникативных практик, уже не противостоящих, не оппонирующих прямо и непосредственно тотальной, давящей, явно и скрыто дисциплинарной урбанистической повседневности, а создающих прото-дискурсы не-предметности, не-топологичности, не-релевантности в феноменологических полях и контекстах мегаполисов. Хотя, как я уже отмечал ранее, существенную роль в становлении подобных постгородских сопространственностей, безусловно, сыграли технологические революции конца XX — начала XXI вв.,

³ Термин и понятие “картография отсутствия” впервые, насколько мне известно, был предложен российским географом и художником С.А. Гавриловой в личной беседе с автором, однако развернутого определения и первоначальной концептуальной интерпретации этого понятия ею пока не дано. В российских научно-исследовательских дискурсах это понятие на данный момент не зафиксировано. В зарубежных англоязычных научных публикациях оно также отсутствует; тем не менее, есть ряд работ, в которых интерпретируются близкие по смыслу понятия — как правило, связанные с исследованиями литературы и искусства в локальных и урбанистических метафизических контекстах [Trione 2006; Mitchel 2012; Spectral Spaces... 2017].

однако они были и остаются лишь условиями, способствовавшими и способствующими в обозримой перспективе таким “нелинейным” урбанистическим процессам. По сути дела, медиативные постгородские практики будут, скорее всего, развиваться в преобладающих формах “картографий воображения”, которые, в свою очередь, будут способствовать формированию фрактальных образов принципиально новых видов человеческого расселения, не связанных уже ни этимологически, ни генетически со словами *полис*, *город*, *urbs*, *city* и т.д.

ПОСТГОРОД: КАРТОГРАФИИ ВООБРАЖЕНИЯ

Глобализация, постмодерн и технологическая (цифровая) революция – вот те события, которые привели к рождению постгорода – принципиально нового типа пространств. Хотя постгородские пространства развиваются на видимой основе – образной, культурной и идеологической – классического современного города (*Modernity City*) – их будущее связано с совершенно иными образными и идеологическими дискурсами. Распад классических городских культур *Modernity* представляет собой достаточно протяженную во времени эпоху; параллельно этому сложному, неоднозначному, противоречивому процессу происходит “спонтанное”, практически никем не контролируемое рождение множества постгородских пространств, живущих в “своем времени” и создающих свои ментальные или образные картографии.

Нет сомнения, что цифровая (дигитальная) революция и виртуальные пространства интернета максимально способствуют возникновению постгородских картографий воображения, хотя онтологические основания подобных картографий были заложены еще в конце XIX – начале XX вв., в эпоху фундаментального разрыва с классическими представлениями о пространстве и времени. Традиционные субкультуры современных больших городов, агломераций и мегаполисов – естественное поле для интенсивного развития различного рода виртуальных сообществ. Однако эти виртуальные сообщества, объединяющие людей под различными “аватарами” из разных мест, местечек, городов и городков, формируют своего рода ансамбли, комплексы, зачастую слабо связанные между собой, и, тем не менее, формирующие неявные постгородские картографии – в которых фактическое местоположение участника сети имеет второстепенное значение, тогда как содержание и семантическая значимость его высказываний и действий в сети определяет, по сути, структуры и конфигурации постгородской ткани.

Постгород – это пространства пересекающихся, взаимодействующих, налагающихся друг на друга картографий воображения, множества которых постоянно расширяются, увеличиваются, создавая тем самым все новые и новые постгородские пространства. Происходит онтологический переворот: постгорода размещаются в виртуальных пространствах картографий воображения; эти картографии репрезентируются, так или иначе – культурно и идеологически – в видимых непосредственно, феноменологически осознаваемых пространствах человеческих поселений – традиционных городов, пригородных или же сельских местностей. Переходный характер такой экзистенциальной ситуации очевиден – происходит постепенное формирование условий для иных, пока еще не очень ясных форм пространственных организаций человеческих сообществ, других манифестаций локальных дискурсов и коммуникаций, в рамках которых воображение реальности в онтологическом плане становится реальностью воображения.

Итак, попытаемся сформулировать основные выводы исследования.

1. Первичное имагинально-онтологическое моделирование проблематики постгорода и постурбанизма показало, что для ее изучения недостаточно традиционного методологического инструментария и традиционного категориального аппарата; требуется разработка новой исследовательской оптики, позволяющей иначе увидеть динамичные пространственные процессы, происходящие в современных городах, прежде всего в мегаполисах.

2. Понятие сопространственности вполне применимо для первичного методологического исследования данной проблематики; с его помощью можно достаточно эффективно описать в первом приближении специфику глубинных урбанистических трансформаций.

3. Постгород как феномен и своего рода онтологическое событие не является прямым и непосредственным продолжением предыдущих этапов урбанистической эволюции; он может рассматриваться как принципиально иное культурное, политическое, социальное явление в человеческой истории, что предполагает методологическую разработку совершенно иных оснований расселения человечества – в его демографических, социальных, политических импликациях.

4. В рамках постурбанизма возникает также новая проблематика соотношения визуальных и не-визуальных практик, формирования множества кардинально иных ментальных миров, не настроенных изначально на взаимодействие и различные “видимые” способы социализации, характерные для модернистских урбанистических сред. Такая методологическая ситуация может привести, в том числе, к созданию принципиально новых междисциплинарных областей знания.

5. Проблематика мобильностей или подвижностей в постгородском ключе также означает изучение других социальных, культурных, философских, географических процессов, нежели в рамках традиционной урбанистики; понятия постномадизма и постномадической географии могут помочь в формировании новых представлений о постурбанистической подвижности и картографиях воображения.

-
- Андерсон П. 2011. *Истоки постмодерна*. М.: Территория будущего. М. 208 с.
- Бауман З. 2008. *Текущая современность*. СПб: Питер. 240 с.
- Беньямин В. 2000. *Озарения*. М.: Мартис. 376 с.
- Беньямин В. 2004. *Маски времени: эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум. 234 с.
- Бодлер Ш. 1993. *Цветы зла*. М.: Высшая школа. 511 с.
- Бурдые П. 2005. *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя. 576 с.
- Верхарн Э. 2002. *Избранные стихотворения*. М.: Радуга. 650 с.
- Гетеротопии: миры, границы, повествование*. 2015. Под ред. И. Видугирите, П. Лавринец, Г. Михайлова. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета. 416 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2010. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель. 895 с.
- Замятин Д. 2011. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов. – *Социологическое обозрение*. Т. 10. № 3. С. 21-28.
- Замятин Д.Н. 2012. Сопространственность и идентичность. – *Мир психологии: научно-методический журнал*. № 1. С. 104-123.
- Замятин Д.Н. 2013. Гений и место: ускользающая со-в-местность. – *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 154-165.
- Замятин Д.Н. 2014а. Постгеография: капитал(изм) географических образов. – *Социологические исследования*. № 10. С. 3-14.
- Замятин Д.Н. 2014б. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия. 592 с.

- Замятина Н.Ю., Замятин Д.Н. 2007. Гений места и город: варианты взаимодействия. — *Вестник Евразии*. № 1. С. 62-87.
- Зиммель Г. 2002. Большие города и духовная жизнь. — *Логос*. № 3-4 (34). С. 23-35.
- Зитте К. 1993. *Художественные основы градостроительства*. М.: Стройиздат. 255 с.
- Зюскинд П. 2004. *Парфюмер. История одного убийцы*. СПб.: Азбука-классика. 320 с.
- Колхас Р. 2013. *Нью-Йорк вне себя*. М.: Strelka Press. 336 с.
- Колхас Р. 2015. *Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство*. М.: Арт Гид. 84 с.
- Костелянец Р. 2015. *Разговоры с Кейджем*. М.: Ад Маргинем Пресс, 400 с.
- Кук Ф. 2002. Модерн, Постмодерн и город. — *Логос*. № 3-4. С. 234-252.
- Левашов В. 2014. *Лекции по истории фотографии*. М.: Тримедиа Контент. 300 с.
- Ло Дж. 2006. Объекты и пространства. — *Социологическое обозрение*. Т. 5. № 1. С. 30-42.
- Лоос А. 1972. Орнамент и преступление. — *Мастера архитектуры об архитектуре. Зарубежная архитектура. Конец XIX — XX век*. М.: Искусство. С. 142-157.
- Маккуайр С. 2014. *Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство*. М.: Strelka Press. 392 с.
- Мерсье Л.-С. 1995. *Картины Парижа*. М.: Прогресс-Академия. 400 с.
- По Э. 1970. Человек толпы. — По Э. *Полное собрание рассказов*. М.: Наука. С. 278-284.
- Сартр Ж.-П. 2015. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М.: АСТ. 925 с.
- Сеннет Р. 2002. *Падение публичного человека*. М.: Логос. 424 с.
- Серто М., де. 2013. *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 330 с.
- Сойя Э.У. 2007. Дигитальные сообщества, Сим-сити и гиперреальность повседневной жизни. — *ПРОЕКТ International*. № 15. С. 127-141.
- Сойя Э.У. 2008. Как писать о городе с точки зрения пространства? — *Логос*. № 3. С. 130-140.
- Тарасов А.Н. 1999. Ситуационисты и город. — *Художественный журнал*. № 24. С. 35-37.
- Урри Д. 2012а. *Мобильности*. М.: Праксис. 576 с.
- Урри Д. 2012б. *Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 336 с.
- Фрисби Д. 2008. Прямые или изогнутые улицы: спорный рациональный дух современного метрополиса. — *Логос*. № 3. С. 54-79.
- Фуко М. 2006. Другие пространства. — Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. М.: Праксис, С. 191-204.
- Шорске К.Э. 2001. *Вена на рубеже веков. Политика и культура*. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2001. 512 с.
- Эштон Д. 2017. *Нью-Йоркская школа и культура ее времени*. М.: Ад Маргинем Пресс. 336 с.
- Ямпольский М.Б. 2000. *Наблюдатель. Очерки истории видения*. М.: Ad Marginem Пресс. 287 с.
- Amin A., Massey D., Thrift N. 2000. *Cities for All the People Not the Few*. Bristol: Policy Press. 43 p.
- Amin A., Thrift N. 2002. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press. 192 p.
- Augé M. 1995. *Non-places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London, New York: Verso. 122 p.

- Cities in Transition: The Moving Image and the Modern Metropolis*. 2008. Ed. by Webber A., Wilson E. New York: Wallflower Press. 256 p.
- City A-Z: Urban Fragments*. 2000. Ed. by Pile S., Thrift N. London: Routledge. 344 p.
- Cresswell T. 2006. *On the Move. Mobility in the Modern Western World*. Routledge: Taylor & Francis Group. 327 p.
- Cresswell T. 2010a. Mobilities I: Catching up. — *Progress in Human Geography*. Vol. 35. No. 4. P. 550-558. <https://doi.org/10.1177/0309132510383348>
- Cresswell T. 2010b. Towards a Politics of Mobility. — *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 28. No. 1. P. 17-31. <https://doi.org/10.1068/d11407>
- Cresswell T. 2011. Mobilities II: Still. — *Progress in Human Geography*. Vol. 36. No. 5. P. 645-653. <https://doi.org/10.1177/0309132511423349>
- Frisby D. 2001. *Cityscapes of Modernity. Critical Explorations*. Cambridge: Polity. 392 p.
- Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents*. 2002. Ed. by McDonough T. Cambridge (MS), London (UK): An October book: The MIT Press. 492 p.
- Global Cities: Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age (New Directions in International Studies)*. 2003. Ed. by Krause L., Petro P. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press. 213 p.
- Gregory D. 1994. *Geographical Imaginations*. Oxford: Blackwell Publishers. 456 p.
- Happenings and Other Acts (Worlds of Performance)*. 1995. Ed. by Sandford M.R. London, New York: Routledge. 424 p.
- Harvey D. 1989. *The Conditions of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge (MA), Oxford (UK): Blackwell. 388 p.
- Harvey D. 1985. *Consciousness and the Urban Experience: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. Baltimore (MD): The Johns Hopkins University Press. 1985. 293 p.
- Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. 2008. Ed. by Dehaene M., De Cauter L. London: Routledge: Taylor & Francis Group. 360 p.
- Merriman P., Jones M., Olsson G., Sheppard E., Thrift N., Tuan Y.-F. 2012. Space and Spatiality in Theory. — *Dialogues in Human Geography*. Vol. 2. No. 1. P. 3-22. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820611434864>
- Mitchel P. 2012. *Cartographic Strategies of Postmodernity: The Figure of the Map in Contemporary Theory and Fiction*. New York, London: Routledge. 218 p.
- Mumford L. 1970. *The Culture of Cities*. San Diego, New York, London: Harvest Books: Harcourt Brace Jovanovich, Publishers. 586 p.
- Sennett R. 1991. *The Conscience of the Eye: The Design and Social Life of Cities*. London: Faber and Faber. 276 p.
- Simmel G. 1971. *On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago Press. 412 p.
- Soja E.W. 1989. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory (Radical Thinkers)*. London: Verso Press. 266 p.
- Soja E.W. 1996. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford (UK): Blackwell Published Ltd. 348 p.
- Soja E.W. 2000. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford (UK): Blackwell Published Ltd. 462 p.
- Soja E.W. 2010. *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis (MN): University of Minnesota Press. 256 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816666676.001.0001>
- Spatialities: The Geographies of Art and Architecture*. 2012. Ed. by Rugg J., Martin C. Bristol (UK): Intellect Books; Chicago (US): University of Chicago Press. 220 p.
- Spatiality and Symbolic Expression: On the Links between Place and Culture*. 2015. Ed. by Richardson B. New York: Palgrave Macmillan (US). 250 p. <https://doi.org/10.1057/9781137488510>

- Spectral Spaces and Hauntings: The Affects of Absence*. 2017. Ed. by Lee Ch. New York, London: Routledge. 208 p.
- The City and the Moving Image: Urban Projections*. 2010. Ed. by Koeck R., Poberts L. Basingstoke: Palgrave Macmillan (UK). 281 p. <https://doi.org/10.1057/9780230299238>
- The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century*. 1996. Ed. by Scott A.J., Soja E.W. Berkeley: University of California Press. 483 p.
- The Endless City*. 2008. Ed. by Burdett R., Sudjic D. New York and London: Phaidon. 512 p.
- The New Blackwell Companion to the City*. 2011. Ed. by Bridge G., Watson S. Chichester: Wiley-Blackwell. 784 p.
- The SAGE Handbook of Human Geography*. 2014. Ed. by Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers Ch.W.J. Vol. 1-2. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: Sage. 840 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446247617>
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives*. 2009. Ed. by Warf B., Arias S. London, New York: Routledge. 232 p.
- Thrift N. 1996. *Spatial Formations*. Thousand Oaks (CA): Sage Publication Ltd. 367 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446222362>
- Thrift N. 2004. Movement-Space: The Changing Domain of Thinking Resulting from the Development of New Kinds of Spatial Awareness. — *Economy and Society*. Vol. 33. No. 4. P. 582-604. <https://doi.org/10.1080/0308514042000285305>
- Thrift N. 2007. *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect (International Library of Sociology)*. London: Routledge. 336 p.
- Trione V. 2006. Metapolis. Metaphysics and the City. — *Metafisica*. No. 5-6. P. 352-385. URL: http://www.fondazionedeichirico.org/wp-content/uploads/352-385Metafisica5_6.pdf (accessed 25.03.2018).

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.10

POST-CITY: SPACE AND ONTOLOGICAL MODELS OF IMAGINATION

D.N. Zamyatin¹

¹*Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

ZAMYATIN Dmitrii Nikolaevich, Dr. Sci. (Cultural Anthropology), principal researcher, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics. Email: metageogr@mail.ru

Zamyatin D.N. Post-City: Space and Ontological Models of Imagination. — Polis. Political Studies. 2018. No. 3. P. 147-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>

Received: 18.12.2017. Accepted: 29.01.2018

Abstract. The article explores the notions of post-city and post-city studies in the imaginal-ontological context and outlines the basic ontological models that help us imagine a large city of Modern and describe its radical spatial transformations. The author introduces the concept of co-spatiality, which determines the prospects for phenomenological studies of post-urban realities, and discusses the importance of the phenomena of borderliness and post-nomadism in the formation of the post-urbanism and non-urban forms of settlement. The urban space ceases to be a city space in the traditional sense; it is rather divided into numerous “fractals” coexisting with space, constantly updated local situational events that can be interpreted ontologically and semantically in a variety of ways. The space of a big city, a megalopolis of the mature Modernity, is primarily an apophatic negativity of the growing and expanding movement, as it denies that it grows parallel to the phenomenology of complete and local dissociation. The phenomenon of co-spatiality(ies) can be considered as the key discourse, taking into account the ontological point of view when analyzing the concept of post-city / post-metropolis. At the same time, the dynamic development of large cities of late Modernity led to the emergence and development of the phenomenon

of interdimensionality. On the one hand, the physical representation of the urban environment is some sort of a “bait”, a manifestation of the sociocultural and communicative appeal of large cities; on the other hand, they indicate, as a rule, a meta-visualization of emptiness, dis-communication and the formation of powerful ontological zones of “invisibility”, which can occur parallel to coexisting communication flows, boundaries, nodes and places. Post-urbanism, apparently, should act, for the most part, as a boundary concept that describes and characterizes the boundary worlds of the accompanying spaces, only touching upon, but not intruding deeply into the dominant visual, sound and verbal affects of the physical reality of cities.

Keywords: post-city; ontology; imagination; Modernity; co-spatiality; post-nomadism; city environment; borderliness; space revolution; post-urbanism.

References

- Amin A., Massey D., Thrift N. *Cities for All the People Not the Few*. Bristol: Policy Press. 2000. 43 p.
- Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press. 2002. 192 p.
- Anderson P. The Origin of Postmodernity. (Russ. ed.: Anderson P. *Istoki postmoderna*. Moscow: Territoriya budushchego. 2011. 208 p.)
- Ashton D. The New York School: A Cultural Reckoning. (Russ. ed.: Ashton D. *N'yu-Iorkskaya shkola i kul'tura ee vremeni*. Moscow: Ad Marginem Press. 2017. 336 p.)
- Augé M. *Non-places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London, New York: Verso. 1995. 122 p.
- Baudelaire Ch. Les Fleurs du mal. (Russ. ed.: Baudelaire Ch. *Tsvety zla*. Moscow: Vysshaya shkola. 1993. 511 p.)
- Bauman Z. Liquid Modernity. (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg: Piter. 2008. 240 p.)
- Benjamin W. Illuminationen. Ausgewählte Schriften. (Russ. ed.: Benjamin W. *Ozareniya*. Moscow: Martis. 2000. 376 p.)
- Benjamin W. Masken der Zeit. Essays zur Kultur und Literatur. (Russ. ed.: Benjamin W. *Maski vremeni: esse o kul'ture i literature*. St. Petersburg: Simpozium. 2004. 234 p.)
- Bourdieu P. Espace Social: Champs et Pratiques. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. St. Petersburg: Aletheia. 2005. 576 p.)
- Certeau, de M. L'Invention du Quotidien. Vol. 1, Arts de Faire. Union generale d'editions. (Russ. ed.: Certeau, de M. *Izobreteniye povsednevnosti. I. Iskustvo delat'*. St. Petersburg: EUSP Press. 2013. 330 p.)
- Cities in Transition: The Moving Image and the Modern Metropolis*. Ed. by Webber A., Wilson E. New York: Wallflower Press. 2008. 256 p.
- City A-Z: Urban Fragments*. Ed. by Pile S., Thrift N. London: Routledge. 2000. 344 p.
- Cooke Ph. Modernity, Postmodernity and the City. (Russ. ed.: Cooke Ph. Modern, Postmodern i gorod. — *Logos*. 2002. No. 3-4. P. 234-252.)
- Cresswell T. *On the Move. Mobility in the Modern Western World*. Routledge: Taylor & Francis Group. 2006. 327 p.
- Cresswell T. Mobilities I: Catching up. — *Progress in Human Geography*. 2010a. Vol. 35. No. 4. P. 550-558. <https://doi.org/10.1177/0309132510383348>
- Cresswell T. Towards a Politics of Mobility. — *Environment and Planning D: Society and Space*. 2010b. Vol. 28. No. 1. P. 17-31. <https://doi.org/10.1068/d11407>
- Cresswell T. Mobilities II: Still. — *Progress in Human Geography*. 2011. Vol. 36. No. 5. P. 645-653. <https://doi.org/10.1177/0309132511423349>
- Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. (Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. 2010. 895 p.)
- Foucault M. Des espaces autres. (Russ. ed.: Foucault M. *Drugie prostranstva*. — Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Vol. 3. Moscow: Praxis. 2006. P. 191-204.)
- Frisby D. *Cityscapes of Modernity. Critical Explorations*. Cambridge: Polity. 2001. 392 p.
- Frisby D. Straight or Crooked Streets? The Contested Rational Spirit of the Modern Metropolis. (Russ. ed.: Frisby D. Pryamye ili izognutyje ulitsy: spornyj ratsional'nyj dukh sovremennogo metropolisa. — *Logos*. 2008. No. 3. P. 54-79.)
- Geterotopii: miry, granitsy, povestvovanie*. Pod red. Vidugirite I., Lavrinets P., Mikhailova G. [Heterotopies: Worlds, Borders, Narrative. Ed. by Vidugirite I., Lavrinets P., Mikhailova G.]. Vilnius: Vilnius University Press. 2015. 416 p. (In Russ.)

- Global Cities: Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age (New Directions in International Studies)*. Ed. by Krause L., Petro P. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press. 2003. 213 p.
- Gregory D. *Geographical Imaginations*. Oxford: Blackwell Publishers. 1994. 456 p.
- Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents*. Ed. by McDonough T. Cambridge (MS), London (UK): An October book: The MIT Press. 2002. 492 p.
- Happenings and Other Acts (Worlds of Performance)*. Ed. by Sandford M.R. London, New York: Routledge. 1995. 424 p.
- Harvey D. *The Conditions of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge (MA), Oxford (UK): Blackwell. 1989. 388 p.
- Harvey D. *Consciousness and the Urban Experience: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. Baltimore (MD): The Johns Hopkins University Press. 1985. 293 p.
- Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. Ed. by Dehaene M., De Caeter L. London: Routledge: Taylor & Francis Group. 2008. 360 p.
- Koolhaas R. *Delirious New York: A Retroactive Manifesto for Manhattan*. (Russ. ed.: Koolhaas R. *N'yu-York vne sebya*. Moscow: Strelka Press. 2013. 336 p.)
- Koolhaas R. *Bigness or the Problem of Large. Generic City. Junkspace*. (Russ. ed.: Koolhaas R. *Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoe prostranstvo*. Moscow: Artguide Editions. 2015. 84 p.)
- Kostelanetz R. *Conversing with Cage*. (Russ. ed.: Kostelanetz R. *Razgovory s Keidzhem*. M.: Ad Marginem Press. 2015. 400 p.)
- Law J. *Objects, Spaces and Others*. (Russ. ed.: Law J. *Ob'ekty i prostranstva. — Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 5. No. 1. P. 30-42.)
- Levashov V. *Leksii po istorii fotografii* [Lectures on the History of Photography]. Moscow: Trimedia Kontent. 2014. 300 p. (In Russ.)
- Loos A. *Ornament and Crime: Selected Essays*. (Russ. ed.: Loos A. *Ornament i prestuplenie. — Mastera arkhitektury ob arkhitekture. Zarubezhnaya arkhitektura. Konets XIX — XX vek* [Masters of Architecture about Architecture. Foreign Architecture. The End of XIX-XX Century]. Moscow: Iskusstvo. 1972. P. 142-157.)
- McQuire S. *The Media City: Media, Architecture and Urban Space*. (Russ. ed.: McQuire S. *Mediinyi gorod. Media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo*. Moscow: Strelka Press. 2014. 392 p.)
- Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. (Russ. ed.: Mercier L.-S. *Kartiny Parizha*. Moscow: Progress-Akademiya. 1995. 400 p.)
- Merriman P., Jones M., Olsson G., Sheppard E., Thrift N., Tuan Y.-F. *Space and Spatiality in Theory. — Dialogues in Human Geography*. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 3–22. <https://doi.org/10.1177/2043820611434864>
- Mitchel P. *Cartographic Strategies of Postmodernity: The Figure of the Map in Contemporary Theory and Fiction*. New York, London: Routledge. 2012. 218 p.
- Mumford L. *The Culture of Cities*. San Diego, New York, London: Harvest Books: Harcourt Brace Jovanovich, Publishers. 1970. 586 p.
- Poe E.A. *The Man of the Crowd*. (Russ. ed.: Poe E. *Chelovek Tolpy. — Poe E. Polnoe sobranie rasskazov*. Moscow: Nauka. 1970. P. 278-284.)
- Sartre J.-P. *Being and Nothingness*. (Russ. ed.: Sartre J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow: AST. 2015. 925 p.)
- Schorske C.E. *Fin-De-Siecle Vienna*. (Russ. ed.: Schorske C.E. *Vena na rubezhe vekov. Politika i kul'tura*. St. Petersburg: Izdatel'stvo imeny N.I. Novikova. 2001. 512 p.)
- Sennett R. *The Conscience of the Eye: The Design and Social Life of Cities*. London: Faber and Faber. 1991. 276 p.
- Sennett R. *The Fall of Public Man*. (Russ. ed.: Sennett R. *Padenie publichnogo cheloveka*. Moscow: Logos. 2002. 424 p.)
- Simmel G. *On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago Press. 1971. 412 p.
- Simmel G. *Die Grosstädte und das Geistesleben* [The Metropolis and Mental Life]. (Russ. ed.: Simmel G. *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'*. — *Logos*. No. 3-4. P. 23-35.)
- Sitte C. *Der Sladtebau nach seinen kunstlerischen Grundsätzen*. (Russ. ed.: Sitte C. *Khudozhestvennyye osnovy gradostroitel'stva*. Moscow: Stroiizdat. 1993. 255 p.)
- Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory (Radical Thinkers)*. London: Verso Press. 1989. 266 p.
- Soja E.W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford (UK): Blackwell Published Ltd. 1996. 348 p.
- Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford (UK): Blackwell Published Ltd. 2000. 462 p.

Soja E.W. Digital Communities, SimCities and the Hyperreality of Everyday Life. (Russ. ed.: Soja E.W. Digital'nye soobshchestva, Sim-siti i giperreal'nost' povsednevnoi zhizni. — *PROEKT International*. No. 15. P. 127-141.)

Soja E.W. Writing the City Spatially. (Russ. ed.: Soja E.W. Kak pisat' o gorode s tochki zreniya prostranstva? — *Logos*. 2008. No. 3. P. 130-140.)

Soja E.W. *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis (MN): University of Minnesota Press. 2010. 256 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816666676.001.0001>

Spatialities: The Geographies of Art and Architecture. Ed. by Rugg J., Martin C. Bristol (UK): Intellect Books; Chicago (US): University of Chicago Press. 2012. 220 p.

Spatiality and Symbolic Expression: On the Links between Place and Culture. Ed. by Richardson B. New York: Palgrave Macmillan (US). 2015. 250 p. <https://doi.org/10.1057/9781137488510>

Spectral Spaces and Hauntings: The Affects of Absence. Ed. by Lee Ch. New York, London: Routledge. 2017. 208 p.

Süskind P. Perfume: The Story of a Murderer. (Russ. ed.: Süskind P. *Parfumer. Istoriya odnogo ubiitsy*. St. Petersburg: Azbuka-klassika. 2004. 320 p.)

Tarasov A.N. Situationists and the City. — *Khudozhestvennyi zhurnal*. 1999. No. 24. P. 35-37. (In Russ.)

The City and the Moving Image: Urban Projections. Ed. by Koeck R., Poberts L. Basingstoke: Palgrave Macmillan (UK). 2010. 281 p. <https://doi.org/10.1057/9780230299238>

The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century. Ed. by Scott A.J., Soja E.W. Berkeley: University of California Press. 1996. 483 p.

The Endless City. Ed. by Burdett R., Sudjic D. New York and London: Phaidon. 2008. 512 p.

The New Blackwell Companion to the City. Ed. by Bridge G., Watson S. Chichester: Wiley-Blackwell. 2011. 784 p.

The SAGE Handbook of Human Geography. Ed. by Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers Ch.W.J. Vol. 1-2. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: Sage. 2014. 840 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446247617>

The Spatial Turn: interdisciplinary perspectives. Ed. by Warf B., Arias S. London, New York: Routledge. 2009. 232 p.

Thrift N. *Spatial Formations*. Thousand Oaks (CA): Sage Publication Ltd. 1996. 367 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446222362>

Thrift N. Movement-Space: The Changing Domain of Thinking Resulting from the Development of New Kinds of Spatial Awareness. — *Economy and Society*. 2004. Vol. 33. No. 4. P. 582-604. <https://doi.org/10.1080/0308514042000285305>

Thrift N. *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect (International Library of Sociology)*. London: Routledge. 2007. 336 p.

Trione V. Metapolis. Metaphysics and the City. — *Metafisica*. 2006. No. 5-6. P. 352-385. URL: http://www.fondazionedechirico.org/wp-content/uploads/352-385Metafisica5_6.pdf (accessed 25.03.2018)

Urry J. Mobilities. (Russ. ed.: Urry J. *Mobil'nosti*. Moscow: Praxis. 2012. 576 p.)

Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-first Century. (Russ. ed.: Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya*. Moscow: HSE Publishing House. 2012. 336 p.)

Verhaeren E. Selected poems. (Russ. ed.: Verhaeren E. *Izbrannye stikhotvoreniya*. Moscow: Raduga. 2002. 560 p.)

Yampol'skii M.B. *Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya* [The Observer. Essays on the History of Vision]. Moscow: Ad Marginem Press. 2000. 287 p. (In Russ.)

Zamyatin D. Geo-Spatialism: an Ontological Dynamics of Spatial Images. — *Russian Sociological Review*. 2011. Vol. 10. No. 3. P. 21-28. (In Russ.)

Zamyatin D.N. Spatiality and identity. — *Mir psikhologii: nauchno-metodicheskii zhurnal*. 2012. No. 1. P. 104-123. (In Russ.)

Zamyatin D.N. Genius and Place: Elusive Co-in-terrain. — *Social Sciences and Contemporary World*. 2013. No. 5. P. 154-165. (In Russ.)

Zamyatin D.N. Postgraphy: Capital(ism) of Geographical Images. — *Sociological Studies*. 2014. No. 10. P. 3-14. (In Russ.)

Zamyatin D.N. *Postgeografiya. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov* [Zamyatin D.N. Postgraphy: Capital(ism) of Geographical Images]. St. Petersburg: Humanitarian Academy. 2014. 592 p. (In Russ.)

Zamyatina N.Yu., Zamyatin D.N. The Genius of the Place and the City: Options for Interaction. — *Vestnik Evrazii*. 2007. No. 1. P. 62-87. (In Russ.)